

УДК 821.161.1-1 Кузнецов Ю.

Голубничий И. Ю.

Литературный институт им. А.М.Горького (г. Москва)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЭЗИИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

I. Golubnichiy

The Maxim Gorky Literature Institute (Moscow)

MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND POETRY OF YURY KUZNETSOV: RELATIONSHIP BETWEEN POETRY AND PHILOSOPH

Аннотация. В статье автор рассматривает поэтическое творчество выдающегося русского поэта XX века Ю.П. Кузнецова с точки зрения взаимодействия поэзии и мифа. Анализ текста приводит к заключению, что миф необходимо рассматривать через призму таких явлений, как личность, история, чудо, слово. Именно подобного рода вопросы поднимал в своём творчестве Ю.П. Кузнецов. Автор делает следующий вывод: способ реализации в литературе мифического сознания Ю.П. Кузнецов видел в умении совмещать пространства незримые и материальные, перемещать героя мифического в реальность и реального – в миф.

Ключевые слова: поэзия, миф, эпос, сакральность, стиль, метафора, символ, сюжет, творчество, фольклор, мифологическое мышление, творческое мировоззрение, полифоничность.

Abstract. The paper deals with the poetry of the famous Russian poet of 20th century Y. Kuznetsov, the author examines it in terms of the interaction between poetry and myth. Text analysis leads to the conclusion that the myth should be examined through the prism of such phenomena as personality, history, miracle, word. This kind of issues Y. Kuznetsov raised in his works. The author concludes that Y. Kuznetsov's method of mythical consciousness implementation in literature was to combine invisible and material space, to place the mythical protagonist in reality and the real one in a myth.

Key words: poetry, myth, epic, sacredness, style, metaphor, symbol, story, art, folklore, mythological thinking, creative view, polyphony.

Проблема мифологического сознания является ключевой для понимания всего творческого наследия выдающегося русского поэта XX – начала XXI вв. Юрия Поликарповича Кузнецова. Поэт придавал большое значение изучению мифологии, народной символики, фольклора, изучал внутренние законы мифологического сознания и возможности их переноса из стихии духовного творчества народа в пространство авторского художественного творчества. Особое значение в этой работе Ю. Кузнецов придавал научному наследию выдающегося исследователя русской мифологии и русского народного фольклора, основоположника теории славянской мифологии А.Н. Афанасьева, сконцентрированному и систематизированному в его классическом фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу». Собранный выдающимся соотечественником большой фактический материал открывал для Ю. Кузнецова возможности для изучения и поле для творческих экспериментов по воплощению мифологических форм сознания в рамках субъективного авторского творческого акта. Исследование А.Н. Афанасьева, помимо фактического материала, содержало путеводные ориентиры для творческой работы в избранном направлении. Вот один из них: «Особенною силою и свежестью

дышит язык эпических произведений и других памятников устной словесности; памятники эти крепкими узами связаны с умственными и нравственными интересами народа, в них запечатлены результаты его духовного развития и заблуждений, а потому, вместе с живущими в народе преданиями, поверьями и обрядами, они составляют самый обильный материал для мифологических исследований» [1, с. 13]. Ю. Кузнецов не представлял себе поэтическое творчество вне его связи «с умственными и нравственными интересами народа». Изучению эпических источников, преимущественно славянского происхождения, он посвятил значительные усилия, результаты которых ярко и талантливо отражены в ряде его произведений.

Ю. П. Кузнецов – представитель поколения, биография которого начинается с Великой Отечественной войны, а зрелость приходится на последнюю треть XX столетия. Закономерно, что акцентные темы его произведений соответствовали духу времени, в котором он жил и творил, а время само утверждало поэта. Говоря о развитии творчества Ю. П. Кузнецова, о своеобразных его чертах и о поэтическом стиле, необходимо подчеркнуть, что Ю. Кузнецов последовательно позиционировал себя как создателя поэтического мифа в современной поэзии. В результате творческое внимание Ю. П. Кузнецова охватывает широкий диапазон иносказания – от образов, которые в сознании читателя уже традиционно заняли место символа, до тех символических «новых» образов, которые созданы самим автором: зияющая пустота, космические дыры, материальные тени и т. д. Нельзя утверждать, что эти и аналогичные образы обладают такой же суггестивной силой воздействия на народное сознание, как мифологические образы времён старины, но они всё же создают соответствующую энергетику произведения, которая способствует овладению сознанием читателя.

Стихотворение «Я скатаю родину в яйцо...» (1985) изначально было опубликовано с эпиграфом из А. Н. Афанасьева: «Они

скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу» [4, с. 217]. Дополнение подобным колоритом поэтического произведения возможно и действительно исключительно в том случае, если сам автор проникся духом создаваемого мифа и способен к созданию соответствующей атмосферы для выражения своего творческого мировоззрения. Как результат воздействия приёмов литературного стиля, у читателя появляется ощущение временного разлома, конца света, который находится за углом соприкосновения реального и нереального миров. Мифологические образы, созданные Кузнецовым, имеют право на утверждение в поэтической мифологии благодаря тому, что они органичны, самобытны и берут своё начало в славянском эпосе, в древнегреческой мифологии, в фольклорных и классических произведениях литературы. Его лирический герой, выражаясь условно, «от боли не ведая страха / ... кидается в жар и горит. / Воскресает из пепла и праха; / Остывая, на север летит» («Легенда о Фениксе», 1979) [4, с. 154]. Миф как явление не имеет завершённости, поскольку процесс познания мира бесконечен. Перетекание и оформление образов, символов и сюжетов из мифологии прошлого в современность является одним из принципов развития современной мифологии. Любому мифотворчеству свойственен поиск ответов на труднообъяснимые вопросы. По видимости, эта тяга к познанию и определяет основу мифологического мышления, природа которого до сих пор до конца не исследована.

В современном литературоведении различные аспекты творчества Ю. П. Кузнецова рассматривались, и эта работа продолжается. Проблема мифологического сознания в его творчестве также была объектом внимания исследователей, хотя и эпизодически и, как правило, в контексте других аспектов. Среди наиболее значительных работ можно назвать статью доктора филологических наук А. Ю. Большаковой «Архетип, миф и культурное бессознательное в мире Юрия Кузнецова», в которой подробно и на глубоком научном

уровне рассматривается проблема о роли бессознательного в творчестве Ю.П. Кузнецова. Автор говорит о «коллективном литературном (культурном) пространстве, сложившемся на основе единого «генетического кода», стихийно регулируемых процессов «литературного бессознательного» и «памяти культуры»: через чтение и опосредствованное восприятие друг друга авторами различных текстов, обратное воздействие на литературный процесс через читательские отклики, письма, литературные встречи и т.п., а также выступления профессиональной критики и литературоведения» [2, с. 94]. Существованием «коллективного литературного бессознательного» автор объясняет проявление творческой интуиции Ю. Кузнецова, его знаменитых поэтических пророчеств. Научный уровень изучения вопроса в статье А. Большаковой весьма высок, мысли и выводы выражены в концентрированной и в то же время ясной форме.

Диссертация В.А. Редькина «Русская поэма 1950-1980-х гг.: жанр, поэтика, традиции» содержит главу «Эпический мир поэмы Юрия Кузнецова». В этой главе последовательно проводится мысль о том, что одним из главных признаков всех поэм Ю. Кузнецова является их полифоничность. Автор доказывает, что в создании авторской символики поэт, тем не менее, опирается на народные традиции, не замыкаясь на создании сугубо «авторской» символики и мифологии. По мнению автора монографии, ключ к пониманию символики и мифологии Ю. Кузнецова находится в сфере традиций национальной культуры. [6]

В книге С.М. Казначеева «Современные русские поэты» есть глава «В тени от облака. Оптика Юрия Кузнецова», представляющая собой скрупулёзный анализ образной системы в творчестве Ю. Кузнецова. Автор утверждает: «Юрий Кузнецов нашупал свой взгляд на мир не сразу, но довольно уверенно. После кратковременного увлечения метафоризмом (было это в ранний, ещё краснодарский период жизни) поэт, по его словам,

находит другой, более глубокий источник для творчества: народный символ. Вместе с этим подходом вырабатывается предельно чёткая, контрастная, фирменно кузнецовская система образов» [3, с. 210]. Как видно из приведённой цитаты, объективно исследователь подтверждает сложившееся представление о системе образов Ю. Кузнецова как прямом продолжении и творческом развитии народного — эпического, фольклорного — творчества. Особое место в работе С. Казначеева занимает «оптика» Ю. Кузнецова, его поэтическое видение предметов мира. В целом статья носит фундаментальный характер, хотя сам автор в заключении говорит о возможности продолжения и развития затронутых вопросов и проблем.

Масштаб и значение творчества Ю.П. Кузнецова, и, в частности, его новаторство в разработке мифологического сознания в поэтическом творчестве, диктуют необходимость продолжения исследования этого аспекта его поэтического наследия. Этой проблеме посвящена настоящая работа.

Главная загадка мифа — его сюжетная история, которая является или описанием произошедших в древние времена событий, или закодированным посланием, для толкования которого необходимо разгадать тайну кода. Во все времена вопросы появления человека и перехода жизни в смерть, проявления человеческой психики, доказывающие возможность взаимодействия с потусторонним миром, являлись темой, вдохновляющей фантазию людей на создание произведений различных жанров. Известно множество произведений, отражающих представления их создателей о форме существования души после смерти, о переселении душ, о контакте с непознанным. Мифология, как правило, не ставит перед собой задачи дать ответ на возникшие вопросы. Мифологические сюжеты берут за основу непознанное и обыгрывают это явление в пределах сформированного сознания. Сознание, в свою очередь, складывается из ярких образов, которые впечатываются в память, т. е. производят впечатление.

По формулировке А.Ф. Лосева, «Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до живости телесная действительность» [5, с. 14].

Существует распространённое представление о мифе как о поэтической метафоре первобытного мышления. Миф и поэтическое мышление имеют элементы сходства и различия. А.Ф. Лосев рассматривает следующие сходства мифа и поэтического мышления. Образы мифологии и поэзии следует рассматривать как разновидности выразительной формы. Выражение — это место, где встречаются две энергии, одна из глубины, другая извне, и происходит их взаимное обобщение в некотором неделимом образе. Мифология и поэзия — это одушевлённое и одухотворённое выражение. Когда реальность становится мифической, то она приобретает особые качества, присущие мифу, и отчасти утрачивает свои действительные свойства.

«Миф есть бытие личностное или, тоже, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [5, с. 73]. Личность всегда есть выражение, и, таким образом, символ. Поэтому каждая живая личность существует и являет собой миф. Она является мифом, поскольку она осмыслена и оформлена в соответствии с мифологическим сознанием. Человека можно рассматривать как миф, поскольку он оформлен и осмыслен как человек и как личность. Всё, с чем соприкасается человек, помимо его желаний становится мифологичным, считает А.Ф. Лосев, поскольку оно начинает существовать в сознании человека не как нечто безымянное, а как предмет, обретший свою личность. Такие вещи и предметы обретают своего рода самостоятельное существование и даже возможность влиять на судьбы людей. Миф есть личностная форма, и личность есть миф.

А.Ф. Лосев выводит формулу: «Миф есть в словах данная история». Через эту формулу необходимо рассматривать миф, чтобы раскрыть его природу.

Ю. Кузнецов поднимал эти вопросы на протяжении всего своего творчества. Высвобождение потусторонних стихий, имеющих различное воплощение в материальном мире, свойственно лирике Кузнецова. В этом заключается художественный мифологизм автора, его трагизм, одиночество, где человек ищет человека, чтобы поведать ему глухую жалобу своего сердца: «Когда я не плачу, когда не рыдаю, / мне кажется, я наяву умираю. / Долины не вижу, былины не слышу, / уже я не голосом родину кличу» («Когда я не плачу, когда не рыдаю...», 1970) [4, с. 69]. При чтении некоторых стихов Кузнецова возникает предчувствие неотвратимого хаоса («Из земли в час вечерний тревожный / Вырос рыбий горбатый плавник» («Из земли в час вечерний тревожный...», 1970) [Кузнецов Ю., 2011, с. 67]; «То ли ворон накликал беду, / То ли ветром её насквозило» (Дуб, 1975) [Кузнецов Ю., 2011, с. 111]), не покидает чувство недостатка пространства для души, заключённой в тело, ощущается стремление вырваться из условностей материального бытия и вернуться в другом воплощении: «Земля возвращает истлевшие кости, / А память – надежду. Пьют чудные гости / За старым столом: / Солдат за победу, поэт за свободу, / вдова за прохожего, мать за породу, / младенец за всё. / Бродяга рассеянно пьёт за дорогу, / со свистом и пылью открытую Богу» («Семейная вечеря», 1977) [4, с. 124]. Колоритен символический образ русского мужика из стихотворения «В воздухе стоямя летел мужик...» (1990) [4, с. 258], который не боится нечистой силы. В сознании читателя возникает былинный образ русского богатыря, надёжный и непобедимый, который даже спит «кондовым сном России».

Не отрицая быт в лирике, автор заставляет задуматься над глубинным его смыслом – над бытием. Место, где разворачивается действие у Кузнецова, – былинное поле, небеса, морская пучина. Безграничное пространство необходимо для создания мифологического сюжета, оно создаёт свободу действий, возможность разворота событий при стол-

кновении мистических сил. В пространстве произведений Кузнецова происходит объединение времени. Знамя победы с Куликова поля передаётся потомкам, «чтоб поздние дети могли / латать им великие дали и дыры российской земли» («Знамя с Куликова», 1977) [4, с. 128]. Возникает чувство единения прошлого и будущего. Таинственность аллегорий, абстрактность образов, своеобразие гротеска, незавершённость сюжетов, заставляющая читателя думать над следующим шагом — все эти приёмы Кузнецов органично использует в своём творчестве. Поэтому, чтобы правильно понять Кузнецова, надо рассматривать его творчество не в общепринятых психологических категориях, а именно с тех позиций, с которых смотрит сам автор, — миф, космос, своеобразное зазеркалье души. И тем яснее становятся слова поэта, которые определяют его творческий путь: «Отпущу свою душу на волю» — это эпитафия ко всему, что я написал и напишу [5].

Необходимо заметить, что мифологическая составляющая творчества Ю. Кузнецова затмевает философскую. Открытое неопределённое пространство, казалось бы, непреодолимо и должно поглотить бытие, которое стоит на грани исчезновения в этом космосе. Однако из этой же бездны бытие возрождается, подобно Фениксу, благодаря своим корням, своей истории, национальному единству. «Вещало сердце: мне дано идти во глубь глубин, / где было знание одно и был язык один» («Плач о самом себе», 1993) [4, с. 289]. В этом заключается в творчестве Кузнецова былинный — не философский — смысл равновесия мрака и света: «В этот храм я вхожу, как во сне, / покоряясь стенам и иконам, / вот и всадник на белом коне — / задремало копьё над драконом. / Словно дух перед ним я стою, / Триста лет и семьсот одинако, / Что-то странное снится копьё: / равновесие света и мрака» («Сон копьё», 1993) [4, с. 291]. Говоря о мифологии поэтического творчества Кузнецова, нельзя не рассмотреть его произведения, обращённые к военной теме. В этих стихах

особенно ярко выражены образы-символы погибших солдат, ожидания и разлуки, безвременной смерти: «Шёл отец, шёл отец невредим, / через минное поле. / Превратился в клубящийся дым — Ни могилы, ни боли <...> Всякий раз, когда мать его ждёт, — / через поле и пашню / столб клубящейся пыли бредёт, / одинокий и страшный». («Возвращение», 1972) [77]. Вечный символ военной лирики — дорога, поезда: «Канул поезд в пустое пространство, / и из нас никому невдомёк, / если вдруг среди мысли раздастся / неизвестно откуда — гудок» («Змеиные травы», 1968) [4, с. 51]. Личные впечатления настолько яркие, что позволили автору выразить боль всего народа. При этом совершенно закономерен переход от образа и метафоры к символу как к понятию более общественному, глубинному, в котором отсутствует ярко выраженная субъективность и через природу которого прослеживается связь пространства и времени. «Нерв войны — это связь! Неказиста, / безмянна работа связиста. «...» ... два разорванных света: / тот и этот замкнуть на себе» («Связист Путилов», 1995) [4, с. 307]. Лирический герой военной лирики — личность легендарная. («Жертва Алексея Ващенко», 1995):

*Так воскрес в тебе Бог-Человек
.....
Там, на небе, меж злом и добром
Дух твой светлый рванул напролом
На мятежное вражье светило.
А на нашей на грешной Земле
Твоё тело внизу на земле
Тот небесный рывок повторило*

[4, с. 309].

Последний вздох на амбразуре дзота — этот подвиг не просто во имя защиты Родины, он совершён во имя спасения жизни товарищей. Это судьба человека, решившая многие судьбы. Это миф, созданный временем. Философия предназначения человека, смысл его рождения, определённый смертью. Действительно, герой приходит, когда того требует время, и уходит как подобает герою. Весь цикл стихов «Из Сталинград-

ской хроники» (1995) [4, с. 306] подтверждает данную философскую мысль Кузнецова, «Семейная вечеря» – биографическое произведение, получившее мифическую форму, несмотря на сложность отношений военного времени. Прочитав стихотворение «Простота милосердия», хочется верить, что описанное в нём действительно могло случиться. Интересно, что Кузнецов продолжает развивать миф, созданный Достоевским: «Красота спасёт мир!» Хочется верить Кузнецову, который пробуждает веру в то, что именно красота души – милосердие – способно спасти человека. В то же время, напоминая о русских былинах, возникает образ странника на распутье – странника, который должен выбирать свою дорогу, не ожидая всевышнего милосердия.

Особое место в творчестве Ю.П. Кузнецова занимают сюжеты на религиозные темы. В «Сказании о Сергии Радонежском» (1980) [4, с. 178] раскрывается тема явления святого и героя. «Ни рано, ни поздно приходит герой», а святой рождается до этого срока, являясь предтечей. Вера в пророка и богатыря – один из самых устойчивых мифов русского народа; видимо, это определялось историческим развитием нашего общества. В своих последних поэмах «Путь Христа», «Сошествие во ад» и «Рай» (неоконченная поэма) автор представляет своё видение живого Христа, претендуя на творческое воссоздание первичности образа. Основанием к этому послужила задача, поставленная им перед собой, опирающаяся на художественный мифологизм лирики. Эти произведения явились вполне логичным завершением процесса творческой эволюции и подведением итога. «Человек — это прах и попытка» («Пыль на дороге», 2003) [4, с. 403]. Безбожие, по мнению автора, — зло, но не злодейство. Оно способно породить злодейство, которое уродливо, как человеческие пороки, в отличие от самого зла, скрывающегося за внешней привлекательной оболочкой. Процесс утраты веры, итог этой утраты при отсутствии новых идеалов отражают поэмы и стихи Кузнецова в последние годы

творчества. Отсюда и сожаление, что современник тяжёл на веру («Икона Божьей матери», 1996) [4, с. 312]. Социальные ноты в его творчестве стали замещаться религиозным смыслом, оформляя целостность духовного опыта автора. Отсюда и возникает частичное отрицание схематизации сакрального. Кузнецов переосмысливал в своём творчестве христианскую мифологию, античную литературу, эпос, всемирную историю. По словам самого поэта, он впитывал Христа через библейские образы. Аналогично впитывает образ Христа верующий через обряды и молитвы. В этом плане примечательно отношение Кузнецова к прославлению божественного начала, в котором он видел одно из предназначений творчества, приходя к выводу, что слава должна поднимать и очищать — это сияние Бога, его нимб. Не удивляет, что во всех трёх поэмах использован принятый автором устоявшийся приём иллюстрации происходящего в настоящий момент. При этом автор является непосредственным участником событий, происходящих с Христом, а не сторонним наблюдателем библейских сюжетов. Несмотря на это, автор не ставит на одну ступень человеческую душу и божественное начало, соблюдая необходимую дистанцию, разделяющую Христа и человека. Следуя национальным культурным традициям, автор считает себя проводником энергии потустороннего, неизведанного, а искра божья в человеке была и остаётся поэтическим даром. Это свойственно именно христианской мифологии. Символичен и образ ангела-спасителя, без которого невозможно преодолеть силу искушения. Молитва и посыл в качестве образов в поэмах Кузнецова наполнены определённым смыслом, зримым и естественным, как голос ангела-хранителя. К вышеперечисленным принципам мифологии в поэзии необходимо добавить, что использование фольклорных сюжетов и символов предполагает определённые речевые структуры, в том числе и народного языка. Это придаёт своеобразное звучание образу: «...не оставляй очаг и стол, / не уходи отсель

<...> не воздыми руки на дверь, / не оттолкни, как мать» («Золотая гора», 1974) [4, с. 96]. Семантика каждого слова способствует созданию атмосферы старины, мифа, легенды, приближает образ к символу. Необходимое требование, которое Кузнецов предъявлял к литературному творчеству, без чего поэзия, по мнению автора, теряла смысл, – это обращение к русским истокам, к народным корням, к славянской специфике. Примечательна оценка автором своих поэм: в ней не просто подведение итога всему творчеству, но и пророческая нота, предчувствие неминуемого скорого конца: «На “Путь Христа” я бросил все силы, а их у меня немало. Все стихи я писал вполсилы! А здесь бросил всё, что у меня было. Напрягся, жаль, что почти никто не заметил, какое эпическое произведение я написал... Александр Пушкин только к этому подступался в “Вещем Олеге”. Пока я писал поэму, я был чист перед Богом...» [7, 2004].

Мифология в литературе в целом и особенно в поэзии – явление совершенно закономерное. Язык мифа – это символ. Именно символ является основой поэтического языка, создающего алгоритм взаимоотношений личности и окружающего пространства. Различные вариации мифологических сюжетов, спроецированные на наше время, использование эпических героев, обыгрывание народных обрядов получило широкое распространение в романтизме и развивалось в дальнейшем, приобретая оттенки настоящего времени. Неоспоримо влияние мифологии на поэтическое творчество Брюсова, Вяч. Иванова, Мережковского, Адамовича. Серебряный век укрепляет традицию создания авторского мифа. При этом развитие мировой культуры и проникновение друг в друга культур различных народов способствует углублению и обобщению тематики мифов, образов и символики эпического содержания. Интерес к фольклорному жанру, ко всякого рода прикладному искусству, легендам, сказаниям неиссякаем, несмотря на индустриализацию и развитие науки, поскольку

темы добра и зла остаются вечными. Опорой авторскому мифологизму служит в основном народное творчество, «преданья старины глубокой». На этой старине и вырастают новые символы, образы и сюжеты, либо интерпретируются старые. В религиозной мифологии сюжеты, связанные с воскрешением либо перемещениями души, приобретают уже ритуальный характер, ассоциируются с обрядами разного значения и служат мотивом порой даже интуитивного обращения к ним автора. Показательно в этом плане стихотворение Кузнецова «Книги» (1996):

*От пронизательного чтения
Вся обнажается до дна
Литература самоменяя,
Где копошится злоба дня.*

*Где топчут бисер свиньи быта,
На ум дерзает интеллект,
И у разбитого корыта,
Как вещь в себе, сидит субъект...*

*Но попадаются глубины,
В которых сразу тонет взгляд,
Не достигая половины
Той бездны, где они молчат,*

*И ты отводишь взгляд туманный,
Глаза не видят ничего,
И дух твой дышит бездной странной,
Где очень много твоего*

[4, с. 317].

Мифологическое мировоззрение не может не иметь в своём арсенале политической темы, поэтому определённая политизация творчества Кузнецова была неизбежной. «Щука», у которой, несмотря на то, что она умерла «остались ракетные зубы» («Щука», 1997) [4, с. 322]. «Через тёмную трещину мира / святорусский летит богатырь. <....> мерзкий карлик на левом плече <...> свою душу спасает: Осторожно! я тоже лечу. <...> Эх, родной! Не маши кулаками, / сбрось его богатырским щелчком» («Русский лубок», 1996) [Кузнецов Ю., 2011, с. 320]. Символический образ русского богатыря, напоминающий пушкинского Руслана. Сюрреалистические образы произведений Кузнецова наполне-

ны таинственным, мистическим содержанием, несмотря на их очевидное сходство с прототипом. Они перемещены через века и бытие. И живут они в пространстве, созданном автором, расколовшемся на тьму и свет, на бытие и бездну, на добро и зло, хаос и закономерность. В этой неомифологической постмодернистской ойкумене определяющее значение имеет поэтическое слово. Оно является символом связи между составляющими этого пространства, делая их звеньями одной цепи. Найти точки соприкосновения реальности и сказки – задача сложная, но в этом и состоит суть мифологического сознания поэта. По словам Ю.П. Кузнецова, для этого нужно обладать особым зрением. Необходимо уметь совмещать пространства незримые и материальные, перемещать героя мифического в реальность и реального – в миф. В выполнении этой задачи Ю.П. Кузнецов видит способ реализации в литературе мифологического сознания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – Т. 1. – М., 1995.
2. Большакова А.Ю. Архетип, миф и культурное бессознательное в мире Юрия Кузнецова // Материалы третьей научно-практической конференции, посвящённой творческому наследию Ю.П. Кузнецова. – М., 2009.
3. Казначеев С.М. Современные русские поэты. Этюды. – М., 2006.
4. Кузнецов Ю. П. Стихотворения. – М., 2011.
5. Кузнецов Ю. П. «Отпущу свою душу на волю...». // Литературная Россия. // № 35, 01.09.95.
5. Лосев А.Ф. – Миф. Число. Сущность. – М., 1994.
6. Редькин В.А. Русская поэма 1950 – 1980-х годов. Жанр. Поэтика. Традиции: Дисс ... д-ра филологических наук. – М., 1993.
7. Тюленев И.Н. Воспоминания о Юрии Кузнецове. // Наш современник. – №1. – 2004.